

*Таранич Анна Ивановна***А Я ВСЕ ПОМНЮ О ВОЙНЕ**

9 мая 1975 года в нашем городе открывался памятник, посвященный Великой Победе. Моя бабушка рано утром сбегала в садик, нарвала цветов, повязала беленький платочек и заспешила на митинг. После митинга предложили желающим возложить цветы к Вечному огню. И со всех сторон потянулись старушки в беленьких платочках с букетиками – это были матери не пришедших с войны солдат. Для них Вечный огонь стал символической могилой сыновей и дочерей, пропавших без вести, погибших во Второй мировой войне.

Ушли те матери. Почти не осталось ветеранов и вдов. Уходим и мы – дети войны. Кто передаст следующим поколениям память и боль о Великой Отечественной войне. Мы должны написать воспоминания о своем военном детстве, чтобы историки не только по документам изучали этот период времени, который называется Великая Отечественная война, но и по воспоминаниям свидетелей.

Я родилась в 1942 году, и помню только картинки, фрагменты, но мне кажется, что война во мне, я никогда о ней не забываю. Но сначала об истории моего появления на свет.

До войны моя мама, Виноградова Нина Александровна, жила в Ленинграде и работала на строительстве Дома Советов, что на Московском проспекте. Но началась война с белофиннами, и она, окончив РОККовские (Российское общество Красного креста) курсы медсестер, пошла на

финский фронт санинструктором. Вытащила из боя раненого солдата, сама обморозилась и вместе с ним попала в госпиталь. После лечения, выйдя из госпиталя, они расписались, и Таранич Иван Моисеевич увез молодую жену в свою воинскую часть, в г. Лубны, что в Полтавской области. Там мама работала в медсанбате. Когда началась война, мама была беременна, и отец перед отправкой на фронт сказал ей на прощание: «Об одном прошу: сохрани ребенка во что бы то ни стало. Если жив буду, найду тебя, где бы ты ни была». Больше вестей от него не было.

Однажды командование медсанбата вызвало добровольцев в батальон первой помощи, то есть оказывать помощь раненым на поле боя. Санинструктор Нина Таранич была комсоргом батальона и вызвалась первой. Бой проходил в районе станции Гребенка, показались немецкие танки. В первый год войны против танков ничего не было, даже бутылок с горючей смесью, одни винтовки. Солдаты побежали, и увидев, как на маму едет немецкий танк, стали ей кричать – «ползи, ползи». Но беременность мешала ей ползти, она убежала на четвереньках. Ее контузило, и она потеряла сознание, очнулась – над ней стоит фельдшер с санитарной сумкой через плечо, больше никого нет. Все посчитали, что ее убили и не стали подбирать. Фельдшер предложил маме вместе искать свой медсанбат, они пошли на дорогу, но навстречу бежали люди и кричали: «Немцы, немцы!». Мама забралась в сарай, спрятала в щель комсомольский билет и красноармейскую книжку, дождалась темноты, нашла будку путевого обходчика. Там ей дали пиджак с семилетнего мальчика, и она сменила гимнастерку на пиджак.

*Виноградова
(Таранич) Нина
Александровна*

До Бежецка было четыре тысячи километров, и мама решила пробираться на родину мужа, в село Литвяки. Путь лежал через г. Лубны. В городе повсюду были развешаны приказы комендатуры «Всем евреям с вещами приходиться на центральную площадь». Мама встретила жену знакомого офицера Аню. Она держала на руках сынишку трех лет, в другой руке был чемодан, за ручку которого вцепилась девочка шести лет. В Литвяках жила и сестра Ивана Моисеевича – Настасья с детьми Ольгой, Павлом и Николаем. Но двоюродная сестра отца тетя Паша выдала маму полицейским, сказав, что она комсомолка и партизанка. Полицейские поехали в г. Лубны в комендатуру. Тетя Настя ее предупредила: «За тобой приедут эсэсовцы, ты должна уйти». Она дала ей платок, кусок хлеба, и мама решила пробираться в Бежецк к матери. Ей предстояло пройти большой путь – более четырех тысяч километров. В городе Лубны центральная площадь со всех сторон была окопана рвами, у рвов стояли фашисты с автоматами. По ту сторону рвов на площади раздевались люди: женщины отдельно, мужчины в другой стороне и поодаль – дети. Они аккуратно складывали одежду. Начался расстрел – на детей пули жалели, их штыками сбрасывали в ров. Так мама стала свидетелем того, как в Лубнах расстреляли три тысячи мирных жителей-евреев. А на станции Гребенка она попала на казнь. Двое мальчишек вынесли из горящей школы знамя пионерской дружины, и за это фашисты их повесили. В начале 80-х годов на станции Гребенка им поставили памятник, я помню имя одного из них – Шура Хоменко.

Беременность мамы была уже заметна, и к ней пристраивались попугачики, выдавая себя за семейную пару. Так легче было пробираться на родину. Однажды я спросила у нее, что думал народ о войне: немцы навсегда или верили в победу. Она ответила, что 7 ноября 1941 года в хате, где она остановилась на ночлег, ее пригласили послушать трансляцию парада с Красной площади из Москвы.

И, вообще, ей казалось, что-то или кто-то ей помогает. Как – то вечером на краю деревни, где она собиралась попроситься на ночлег, ее встретил человек и сказал: «К нам не ходите, у нас эсесовцы. И она тогда для ночлега искала стог сена. У другого села ее встретили и пригласили ночевать. Она отправилась в путь в середине августа, прошла Украинский фронт, Белорусский и 16 декабря 1941 года была под Калинином.

А дома ее ждала одна мать, Виноградова Анна Платоновна. Старший брат Николай был на фронте, младший Владимир учился в фабрично – заводском училище, а когда ему исполнилось 16 лет и его взяли на фронт. Мама пришла без документов, только фотографию мужа принесла на груди. Ее отправили работать на лесозаготовки. Там начались преждевременные роды. И 18 февраля 1942 года родилась я, весом 1кг.100гр., восьмимесячная. Серафима Ивановна Смирнова, детский врач, сказала моей бабушке: «Ребеночек не жилец, дня три и все». Бабушка в то время получила известие, что ее сын пропал без вести, и она все силы бросила на мое спасение. Бабушка впоследствии говорила: «Если бы ты такая обреченная не появилась на свет, то я руки на себя наложила бы или с ума сошла».

У бабушки была комната 13 метров, на улице Садовой, дом 3, напротив городского сада. Дом был построен перед войной, двухэтажный, внизу две квартиры, да наверху в каждой квартире две комнаты и кухня, в которой жили эвакуированные. Керосинки стояли в комнате, на стене висела черная тарелка репродуктора. Каждый день слушали голос Левитана, который объявлял вести с фронта. Когда слышались звуки воздушной тревоги, мама хватала одеяло, набрасывала на меня и бежала со мной в городской сад, искала место, куда спрятаться.

Я помню, что у нас украли продовольственные карточки. Мы с мамой пошли в военкомат. Большой кабинет,

длинный стол в конце, за столом сидел мужчина в военной форме. Он приказал выдать нам новые карточки.

Чувство голода я не помню. Я была одна, маленькая, меня легче было прокормить. Бабушка зарабатывала шитьем, она была хорошая портниха. Привезли мешок ржи из деревни, где она шила. На жерновах мололи муку, пекли картофельные оладьи. Сушили свеклу, бабушка это называла «советский мармелад». Помню, как мама заняла очередь за

молоком вечером, всю ночь простояла, утром пришла за мной, на руке был нарисован номер очереди. Мы взяли бидончик и пошли за молоком. Стояла нескончаемая очередь. Я даже успела поспать на крыльце, к обеду мы получили молоко.

Мое первое ощущение самой себя, что я это я, девочка, и зовут меня Аня – связано с песком. Я иду по песку, на сандалиях порван ремешок, песок засыпается в сандалии. Я нашла проволоку, скрепила ремешок и тут меня позвали обедать. Я карабкаюсь по высокой лестнице, рядом карабкаются такие же дети. Наверху стоит тетенька и подбадривает нас. Меня сдали в круглосуточные ясли, потому что маму отправили на лесозаготовки, бабушка зарабатывала в деревне шитьем, меня не с кем было оставить. Впоследствии там, на песочной яме, был ясли-сад, потом общежитие для учителей.

Я заболела, и меня положили в заразный барак. Появилась бабушка и почти силой выцарапала меня из больницы и увезла в свою деревню Мотуново. Ехали в кузове грузовика. С нами ехал военный в плащ-палатке, девушка в плаще с капюшоном, больше никого не помню. Пошел дождь, и девушка меня спрятала под свой плащ. Остановка, все пошли

в лес. Девушка мне принесла веточки с красными ягодками земляники. Мне кажется, я до сих пор помню ее милое лицо.

В Мотунове родственница, тетя Настя, уступила нам свою избушку, а сама ушла жить к сыну в соседнюю деревню. Я была очень слаба после болезни, и всей деревней меня выхаживали. Рано утром на подоконнике появлялась крынка молока, кувшинчик земляники, мед в сотах. Племянница бабушки, тетя Шура, дала козу Ляльку. Лялька не ходила со стадом, шлялась по деревне, в полдень приходила к нам, стучала копытом о крыльцо. Бабушка выходила и надаивала чашку молока – больше Лялька не давала. Однажды бабушки не было, а Лялька стучит копытом. Я уселась доить, коза ударила копытом и разбила чашечку. Я помню: чашка была очень красивая, внизу – желтая, а наверху – голубая.

Мы в деревне остались на зиму. Я лежу на печке на ворохе тряпок, у двери стоит топчан, сколоченный бабушкой. Бабушка сидит за столом, шьет шапки-кубанки на вате, с красной полосой, над столом висит керосиновая лампа. Бабушка учит меня молитвам. Я запомнила «Отче наш» и «Богородица». Потом бабушка ложится ко мне на печку и начинает рассказывать сказки. Вот одна из них: «Жили были три сестрицы Оленька, Пашенька и Анечка. Пошли как-то раз сестры за ягодками. Анечка набрала целую корзину земляники, сестры позавидовали, убили ее и под камушек положили. Выросла на камне большая дудка. Шел мимо пастух, срезал дудку и заиграл. А дудка то запела анечкиным голосом: «Пастушок, родименький, убили меня за ягодки, за красненьки». Пастух испугался, побежал в деревню. Заиграл на дудке, тятка услышал, схватил, сам заиграл. А дудка-то и запела: «Тятенька, родименький, убили меня за ягодки, за красненьки». Тятка как шарнул дудку о камень, дудка и раскололась. Анечка выскочила живая и невредимая и давай плясать». Тут и я слезаю с печки и пляшу. Бабушка давится

от смеха и поет: «А татанчики – татанчики – тата, а татанчики – татанчики – тата». Так мы коротали зимние вечера.

Весной мы переехали в город. Черная тарелка – радио однажды сообщила, что фашистская Германия капитулировала и наступила Победа. Мама в то время работала в госпитале, но была выходная. Услышав про Победу, побежала в госпиталь и закричала: «Победа! Победа!». Один раненый отбросил костыли и стал плясать. А мне сказали – теперь твой папа Ваня вернется с фронта, и я стала ждать. Особой тоски я по отцу не испытывала, я не знала его. Я замечала, что в доме, где есть мужчина, живется намного легче. У нас всю тяжелую работу выполняли мама и бабушка. В детском саду к ребятам приходили отцы. Одному мальчику отец привез заводного крокодила. Он повернул ключиком, крокодил пополз по полу, раскрывая пасть. Сам зеленый, пасть красная. И я стала приставать дома, напишите на фронт, пусть папа мне привезет заводного крокодила. Мама написала дяде Вове. Вскоре пришла из Польши открытка, на ней был рисунок крокодила и письмо: «Ни живых, ни заводных крокодилов на фронте пока не встречал. Буду искать, а пока получи открытку».

Недавно я нашла сохранившееся письмо военному комиссару от 1947 года. Мама спрашивала о судьбе своего мужа, в том же 1947 году пришел ответ, что Таранич Иван Моисеевич пропал без вести. Значит можно хлопотать о пенсии. Но сначала надо доказать, что мама – жена своего мужа, а я дочь своего отца.

И мы поехали на Украину в 1948 году. Я не помню, как мы добрались до Москвы. До станции Гребенка мы ехали в телячьем вагоне, где все пассажиры спали вповалку на досках. Я заболела, и маме принесли водку, чтобы она растирала меня. Наконец мы добрались до конечной станции. До Лубен мы ехали на грузовике. Там нашли хату комиссара Бондарчука. Мама сказала: «Я жена Ивана Таранич, вот мои документы». Комиссар, указав на меня, сказал: «Вот ваши

документы – вылитый Иван». Бондарчук и мама ушли в военкомат за справкой, меня оставили на попечение дяди Сережи. Я рассказала ему сказку «Теремок» и вышла на улицу.

Когда мама и комиссар вернулись, мы пошли к командиру полка полковнику Москвичеву. Полковник предложил нам остаться в Лубнах, обещал похлопотать о жилплощади, предложил работу в воинской части. Но я испугалась, хотела домой, к бабушке, не хотелось оставаться здесь. Мама сказала, что подумает. Мы переночевали у двоюродной сестры отца тети Паши (много позже мы узнали, что это она выдала маму полицаям), а утром на грузовике уехали в село Литвяки. Вместе с нами в кузове ехали женщины, они голосисто пели, и с той поры, когда я смотрю мультфильм «Пес и волк», я вспоминаю поющих женщин из моего детства, они пели точь-в-точь как в мультфильме. В Литвяках сбежалось все село, кричали: «Иванова людына приехала», вертели меня во все стороны и повторяли – «вин, вин». Спрашивали, где Иван. Прибежала и тетя Настя, и ее сын Павел, и Ольга. Тетя Настя, как увидела нас, заголосила, задрала на спине рубаху, а там глубокие борозды, как будто на спине пахали. Оказывается, полицаи били ее нагайками, пытали, с мясом сдирали кожу: «Где партизанка?». А потом мы пошли в хату к тете Насте, мне у нее понравилось. В хате было светло, земляной пол был застлан соломой, печка была белоснежной. Когда мы уезжали, мне дали кролика, который по дороге оцарапал меня и убежал. До станции Гребенка нас довели на лошади. Обратный путь мне показался короче.

Мне выдали пенсию за все годы, которые я прожила, за шесть лет. На эти деньги мы купили домик в деревне Мотуново и алюминиевую кровать, полутора спальную, с пружинным матрасом. Пенсию мне начислили 18 рублей. С каждой пенсии мне давали 1 рубль. Хватало на перышки, тетради и на конфеты «Золотой ключик».

Два года мы переписывались с семьей Москвичева, командира полка. Потом мы получили письмо от его жены, она

писала, что ее мужа арестовали и, как врага народа, расстреляли. Мама плакала: «Такой хороший командир, до Берлина дошел, два раза ранен был. Немецкая пуля его пощадила, а своя нашла». «Враг народа» – эти слова мы часто слышали, но не понимали их.

Мы считали, что живем в самой мирной и справедливой стране. Мы уверены были, что у нас счастливое детство и что товарищ Сталин заботится о нас. Мы верили в счастливое будущее, сейчас трудно, но будет лучше. Мы все время слышали от родителей: «Только бы не было войны». Мы были октябрятами, пионерами, комсомольцами и жили под лозунгом «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Мой отец украинец, но я выросла и воспиталась в России, и поэтому считаю себя русской. В 1941 году моей маме помогали выжить и сохранить ребенка украинцы, белорусы, русские. В 1941 году у них у всех был один враг – фашизм. И они вместе с другими народами одолели этого врага.

Моя бабушка долго не могла смириться, что ее сын Николай пропал без вести, и подавала записочки в церкви о здравии. Моя мама за мужа, моего отца, подавала тоже о здравии. Но в 1962 году произошло событие, которое заставило ее поверить, что мужа больше нет. У нас часто останавливались на ночлег родные из села, знакомые, которым бабушка шила. Комната была 13 метров, но всем места хватало, по 9 человек ночевали. Разложим на полу матрацы, набитые соломой, гости и спят. Кому надо в больницу, кому в суд, кому на базар купить-продать. В 50-годы ходил по домам фотограф. Предлагал увеличить фотографии, сделать портреты. Мы заказали портрет дяди Коли, отца. Повесили на стену. Зашел к нам как-то дядя Коля из деревни Андрейково, увидел портреты и застыл, потом долго плакал и говорит: «Эх, Ванька, Ванька, вот где пришлось увидеться». А мама стала спрашивать: «Откуда ты его знаешь?». Тот и рассказал: «Иван Таранич. Я вместе с ним был в лагере. Мне

удалось убежать, а на Ивана ящики упали, переломали ребра. Он не смог выйти на работу, его отправили в газовую камеру». Мы запросили военкомат и получили извещение, что Таранич Иван Моисеевич умер в немецком плену 10 октября 1941 года. Еще до моего рождения. С тех пор мы стали подавать записки о упокоении:

*Все люди спят, лишь мать не спит сейчас.
И льются слезы из усталых глаз.
И много дней, и много лет
Она все сына ждет, а сына нет.*

Когда я слышу эту песню, я вспоминаю бабушку, маму отца, которого я никогда не видела, мне некуда деться от войны. Вы скажете, что сейчас совсем близки другие войны. Но та-то была Великая Отечественная, народная. Об этом забывать никак нельзя.

